

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ЧЕЛОВЕК, КАК ВСЕ

Кто-то, не лишенный остроумия, сказал, что хороший актер не похож на актера, а Сарра Бернар была убеждена, что актер должен «затеряться в толпе». Наверное, это можно отнести и к Вадиму Николаевичу Злоковичу, артисту Крымского академического драмтеатра имени М. Горького. Интересно наблюдать за ним на улице, когда, то улыбающийся, то озабоченный, он следует своей деловой походкой. В нем нет ничего показного. Это суть его личности. Его вполне можно представить за учительским столом или в белом халате врача, над проектными чертежами или за пишущей машинкой. Всюду он будет на месте, в привычной обстановке.

В узнаваемости, житейской распространенности героев Злоковича заключена одна из самых драгоценных особенностей его дарования — органическое ощущение социальной типичности, позволяющее ему открывать затаенный внутренний смысл обыденных, казалось бы, ничем не примечательных явлений действительности.

Общение с персонажами Злоковича — это познание новых судеб, в которые мы ранее не вдумывались, проходили мимо. Любимый герой его — «человек, как все», наделенный суровой добротой и серьезной насмешливостью.

Вот — Мультик из пьесы В. Дударева «Вечер» — одинокий

старик, доживающий свой век в деревеньке, где встретил столько зим и весен и над которой нависло жестокое слово «неперспективная». Мультик Злоковича живописен в своей пластике, чуть романтизирован, несуетлив, с прищуром умных, приметливых глаз. Больше всего мучает его не одиночество на склоне лет, не обида, а то, что некому передать и эту землю, и солнце, и мудрость своего опыта...

Говоря о работе Злоковича в этом спектакле, наверное, следует говорить прежде всего о самоценности, об уникальности человеческой личности, которая не может быть затеряна среди других, отодвинута на второй план даже при решении глобальных проблем. Для людей, это значит — конкретно для каждого.

Актер постоянно стремится к разрушению скрывающих рамок сценического амплуа. Его увлекает многоплановость сложной человеческой личности. Таковы его Воланд в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, Полоний из «Гамлета» В. Шекспира, лермонтовский Казарин из «Маскарада».

Ясность представлений о том, что любить и что ненавидеть в сегодняшнем расколотом мире, определяет современность подхода Злоковича к людям, сообщает задушевность исповеди и проповедническую непримирность его творчеству, в

котором сливаются воедино юмор и пафос, поэтичность и издевка.

Поиски образов в чеховской драматургии начинались у Злоковича с поисков лишь им присущей «отметины», не внешней, а внутренней. Найдя ее, он начинал фантазировать «совершенно свободно».

Особенность образа Чебутыкина («Три сестры» А. П. Чехова) актер увидел в его замкнутости. Такая отединенность от окружающего, сосредоточенность в себе, сопровождаемая длительными «зонами молчания», определяет сквозное состояние Чебутыкина, сливающее воедино все черты его натуры. У Чебутыкина — Злоковича, при внешнем «генеральском» благополучии, чувствовались полное неблагополучие внутреннее, отчаянная тоска, доходящая до презрения, до отращения к самому себе...

Серебряков из «Дяди Вани» — тайный маньяк, страдающий манией величия, а не только подагрой. Налицо все симптомы: деспотизм, неумеренное и бестактное хвастовство, преувеличенное представление о своей роли, поучительный тон, походка, а главное — неостановимое ни на миг производство книг и статей и тайное наслаждение своим образом — воплощенного укора всей праздности людской, тем, кто может гулять, пить чай в столовой, играть на рояле и смеяться.

Роль Сорина («Чайка») проникнута желанием покоя и тишины. На жизнь этого человека можно только сочувственно смотреть со стороны, поняв, что жизнь сама по себе обладает ценностью. От чего, собственно, мучается Сорин, как не от невыраженных впечатлений проживаемой жизни? Ни от чего иного. Он тоже вынужден «нести свой крест», но не веровать, а подчиняться законам жизни с откровенной безысходностью...

При всей глубине артистического преобразования и разнообразия создаваемых характеров Злокович не может, да и не хочет уйти от своей человеческой личности. Конечно, нельзя отождествлять актера и его сценические образы, невозможно прямое сопоставление творца и творения. Однако актер познает образ через себя, а порой и себя через образ. Между художником и его детищем возникают очень непростые, скрытые от постороннего взгляда отношения.

Быть совсем не похожим на себя, оставаясь все одним и самим собою, — не в этом ли заключена сокровенная природа актерского искусства?

За плечами артиста — шестьдесят лет жизни, десятилетия творческого труда. Но по-прежнему подтянутым, бодрым, полным сил и замыслов встретил он новый год. Впереди — любимая сцена, новые встречи с ролями и зрителями...

Ю. ЛОШАДКИН,
актер.